

ДИСКУССИИ

ВСЕВОЛОД ТИХОНОВИЧ,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Социальная ситуация и социальный интерес: динамический аспект*

Abstract

The paper raises some debatable questions concerning social interests as a social phenomenon.

The concept of social interest is defined as an individual's (personality/group/community) value-rational attitude towards preservation (maintenance/reproduction/development/enhancement) of the ways of living and modes of behavior in society.

Structurally, an individual's value-rational attitude includes two determinants: (1) an individual's social status, objectively determined and subjectively interiorized; (2) subjective disposition to implement the intention of activity.

Круглый стол, посвященный обсуждению проблематики социального интереса, состоявшийся в Институте социологии НАН Украины 19 февраля 2008 года [1], как это ни странно, едва ли не единственное подобного рода мероприятие в отечественной, да и вообще в советской и постсоветской социологии последних десятилетий. И это несмотря на “дозрелость”, а скорее “перезрелость” проблемы социального интереса в эпоху кардинальных социальных сдвигов в обществе, изменений в социальной структуре, групповом и массовом сознании, мотивации социального поведения людей. В свое

* Статья продолжает обсуждение проблем, затронутых на заседании круглого стола “Социальные интересы в дискурсе общественных наук” (Киев, 19 февраля 2008 года).

время автору пришлось непосредственно приобщиться к атмосфере научных поисков и столкновения мнений относительно сущности, функциональных потенций, форм проявления интереса как общественного феномена [см.: 2]. С исторической дистанции дискуссии вокруг интереса весьма поучительны и стимулируют к размышлениям.

При разработке социологической концепции социального интереса, именно социологической, в отличие, скажем, от экономической или политологической, важно учитывать, в частности, опыт активного дискурса явления интереса в 50–60-х годах прошлого века в СССР. Не вдаваясь в многочисленные детали этого дискурса, подчеркну некоторые его основные моменты. Во-первых, теоретический предметный уровень обсуждения был, как теперь сказали бы, преимущественно социетальным, общесоциальным, на уровне общественных отношений в целом как объективного, материального, прежде всего экономического, фундамента и среды функционирования интересов. Во-вторых, преобладал философский или социофилософский уровень дискуссии практически без привлечения достоверной эмпирической информации. В-третьих, в основном выбирался гносеологический аспект проблемы, который обозначил три основных подхода к выяснению содержания категории “интерес” и способов его функционирования как общественного феномена: а) объективистский — в его крайнем варианте интересы возникают вне сознания конкретных людей, а в конструктивной версии с тяготением к утилитаристской концепции интереса, согласно которой интересы — это осознанные потребности; б) субъективистский, выходящий в конечном счете на сугубо психологическую трактовку феномена; в) объективистско-субъективистский, рассматривающий происхождение и функционирование интереса как “переход объективного в субъективное и обратно” (в частности, А.Здравомыслов).

Сторонники той или иной из этих трех позиций, за очень редким исключением, в итоге вышли из дискуссии с тем же, с чем пришли, а некоторые даже много лет спустя, когда о самой дискуссии уже забыли, считали, что она все еще продолжается. Другими словами, обсуждение оказалось малопродуктивным, нередко схоластическим, когда главным аргументом является степень адекватности той или иной концепции высказываниям классиков марксизма-ленинизма по поводу интересов.

Поучительны в этой дискуссии по крайней мере два обстоятельства: 1) оперирование высокими абстракциями не приближало к выяснению реальных процессов и тенденций; 2) без основательного массива валидной социологической информации, освещающей функционирование данного феномена в обществе, глубоко вникнуть в его сущность невозможно. Наконец, еще одно важное обстоятельство: ни во время самой дискуссии, ни в дальнейшем специально и содержательно не выделялся именно социальный интерес, в отличие от экономических, политических, духовных и т.п. Даже А.Здравомыслов в публикации уже 1986 года затрагивает собственно социальные интересы лишь вскользь [3, с. 110].

Определенной попыткой все таки специально и профессионально заняться исследованием социальных интересов в социологии была коллективная монография, опубликованная в 1987 году сотрудниками Института социологии АН СССР, посвященная социальной сфере общества [4]. При чем симптоматичным было замечание в предисловии к книге о том, что

“определенные научные положения и рекомендации, обосновываемые авторами, являются дискуссионными” [4, с. 5]. Ясное дело, и уже в “перестроечные” годы генеральной линией управления социальной структурой общества оставалась провозглашаемая ликвидация социального неравенства и формирование социально однородного общества. То есть всякое вмешательство в выяснение собственно сути социального неравенства в социалистическом обществе и положения в нем различных социальных групп оставалось весьма проблематичным и даже подлежало идеологическому табу или самоцензуре исследователей. Социологи в основном оперировали официальной статистикой, а в эмпирическом материале преобладала тема условий и уровня удовлетворенности трудом как важнейшей сферой жизнедеятельности. Вне сферы внимания невольно оставалась проблема социального самочувствия групп, их взаимного самооценивания, да и собственно специфики их интересов.

Едва ли не единственное, что объединяло и до сих пор объединяет исследователей интереса в целом, — это солидарное согласие истолковывать его как практически наиболее важный мотив и стержень социальной активности человека, его деятельности и поведения. Некоторые ученые, к примеру американский психолог К.Изард, вообще считают “эмоцию интереса” врожденным феноменом, который предшествует “поступающим извне сигналам”. Г.Олпорт трактует интерес как “участки наиболее глубоких уровней мотивации” [5, с. 170], а советский исследователь А.Ханипов истолковывает его как всеобъемлющее выражение активности субъекта [6, с. 18].

Впрочем, наша задача не лежит в плоскости эпистемологических поисков. Освещение исследовательской проблемы в данном случае обусловлено предметом социологии как науки (наряду с предметом социальной психологии), соответствующим понятийным аппаратом и методами исследования. Конечно же, прежде всего возникает задача определения содержания понятия “социальный интерес”. Логическим шагом к ее осуществлению является выделение понятия “социальное” из широкой категории “общественное”, то есть как специфического, особого сектора или уровня “общественного”. Этот уровень функционирования “общественного” связан с выходом на конкретного, “живого” субъекта, индивида или группу, а в рамках предметного поля социологии и социальной психологии — прежде всего на группу, на ее социальный статус, способ формирования и воспроизводства, механизмы внутригруппового и межгруппового взаимодействия.

Ориентируясь на онтологию общественного процесса, в частности на статусно-групповую трансформацию в обществе, переходящем от одних оснований строя к другим, где генеральной линией общественных преобразований является воспроизводство частной собственности и рыночных отношений, а значит, социальная переструктуризация общества, именно выяснение социальных интересов общественных групп должно осветить довольно латентный процесс нового группообразования, в котором экономические основания являются далеко не единственными. К примеру, представляет интерес процесс постепенного возвышения потребностей и интересов “новых украинцев” — от собственно утилитаристских практик к своего рода культурническим моделям поведения на уровне “мировых стандартов”.

При этом в контексте проблемы важно учитывать новые механизмы межгрупповой зависимости, консолидации и интеграции; новые формы со-

отношения социального равенства и неравенства; средства групповой самозащиты или их отсутствие; содержание представлений о справедливости и несправедливости и т.п.

В процессе обоснования системы референтов-показателей социальных интересов, помимо прочего, следует привлечь такие свойства/характеристики социального интереса, в числе которых часть является общими (родовыми) с интересами как таковыми, а часть — специфическими, однако все должны быть имманентными среде функционирования социальных интересов, а именно внутригрупповому и межгрупповому взаимодействию (солидарности/конфликтности и т.п.) людей.

Речь идет, в частности, о следующих характеристиках:

- интерес концентрирует определенное *позитивное содержание* в сознании субъекта, выражает *рационально-ценностную ориентацию и действие субъекта*;
- интерес выполняет *селективно-избирательную функцию* относительно условий и потребностей обеспечения жизнедеятельности, самореализации индивида (личности) и группы, уровня их актуализации;
- интерес *объективируется* в формах деятельности и поведения, символизационно-демонстративных средствах образца, престижа и т.д.;
- *структурация* интересов обуславливается разделением и распределением труда и статусов; формами собственности; средствами и содержанием общения и стиля жизни; диспозиционными характеристиками субъектов взаимодействия; объемом социального капитала;
- социокультурная сфера бытования интересов позволяет выяснять центры и формы *мультикультурного группирования*;
- отдельная проблема — тенденции *возвышения индивидуальных и групповых интересов* до уровня общественных, национальных, взаимозависимость личностных, групповых и институциональных интересов.

Опыт предшественников и актуализация исследования социальных интересов в новых условиях стимулируют модификацию подходов к базовой проблеме в изучении интересов, а именно проблеме взаимодействия потребностей и интересов субъекта. Ссылка только на то, что интересы — это не что иное, как осознанные потребности, ограничивает теоретический поиск и тормозит практику эмпирических исследований. Очевидно, что далеко не все объективно имеющиеся и осознанные потребности субъекта являются его интересами. Чтобы они стали интересами, необходимы определенные условия, средства, механизмы взаимодействия потребностей субъекта и окружающей социальной ситуации. Речь прежде всего идет об определенной *системе потребностей и интересов* субъекта и об условиях и уровне их актуализации.

Выяснение сущностных характеристик и содержания концепта “система потребностей и интересов”, как и способа функционирования этих факторов деятельности и поведения, должно предполагать не только онтогенетический и филогенетический аспект их становления, но и учитывать всю совокупность внутренних и внешних влияний, которые в целом могут быть представлены как ситуации формирования (вызревания) и удовлетворения потребностей и интересов. Важную роль играет, в частности, соотношение

этих феноменов со всей системой их как целостным образованием, где любое изменение в определенном секторе обуславливает модификацию всей целостности. Причем эта модификация может быть гармоничной, непротиворечивой, а может и вызывать напряжение, даже внутренний конфликт потребностей и интересов.

При теоретическом построении системы потребностей индивида исследователи, как правило, прибегают к иерархической конструкции (уровней, слоев, ступеней и т.п.), введенной еще А.Маслоу. При этом высшие уровни — то есть в конечном счете потребности самореализации личности — вступают в силу при условии относительного насыщения низших уровней, включая витальные потребности, удовлетворение которых обеспечивает физическое существование индивида. Данный подход, как представляется, не единственно возможный. В частности, перспективным может оказаться взгляд на систему потребностей (если прибегнуть к наглядно-изобразительным средствам) как на шароподобное образование, поверхность которого имеет вид разновысоких пиков-потребностей. Суть такого подхода заключается в том, что система потребностей индивида рассматривается в поле как внешних, так и внутренних для индивида динамических ситуаций (связей, отношений, состояний и т.п.). Взаимодействие системы потребностей и ситуаций (социального пространства) их удовлетворения обуславливает актуализацию определенной потребности (или их совокупности) на отдельном участке системы (шара), возвышение их над общим уровнем, поворот в сторону наиболее актуальной в данный момент ситуации. Причем одновременно с внешним ситуационным полем действует внутреннее ситуационное ядро субъекта, связанное с его психофизиологическими, диспозиционными, ценностно-ориентационными, мировоззренческими характеристиками. В процессе такого перестраивания уровень актуальности остальных потребностей снижается, какие-то из них на некоторое время, а то и вообще нивелируются над “горизонтом” или переходят в состояние “покоя”. Сокращение расстояния между потребностью-пиком и ситуацией ее удовлетворения как раз и образует ту позицию, в которой проявляется интерес как особый феномен.

Не следует, однако, понимать предлагаемый подход так, как если бы речь здесь шла о сугубо ситуативной позиции индивида, лишенной устойчивых, длительных количественных и качественных характеристик, об отсутствии ведущей направленности и ориентации субъекта, обусловленной, в итоге, наиболее важными для него социальными ценностями. Рассмотрение проблемы под таким углом зрения требует разработки соответствующей типологии социальных ситуаций, включая их временные параметры. Весомость последних в формировании интереса зависит не только от их объективных параметров, но и от того значения, которое придает им субъект, а в контексте формирования и реализации социальных интересов — от того, в какой мере они стимулируют переход актуальной потребности в собственно интерес, предполагающий соответствующие пути и средства ее реализации. Самодостаточность интереса как явления возникает вследствие возможности его “отрыва” от изначальной потребности-причины и превращения в самоценность жизнедеятельности, жизненного процесса в целом.

Из изложенных рассуждений вытекает следующая дефиниция понятия: социальный интерес — это рационально-ценностная позиция субъекта (ин-

дивида/личности/группы/общности) в отношении обеспечения (сохранения/воспроизводства/совершенствования/развития) условий и способов своей жизнедеятельности и поведения в обществе. Рационально-ценностная позиция субъекта включает в структурированной форме две определяющие составляющие: (1) объективно обусловленный и интериоризированный субъектом социальный статус и (2) субъективную диспозиционную направленность на цель деятельности. Соответственно, названные составляющие разворачиваются в систему показателей социальных интересов общественных групп на этапе эмпирического исследования. При этом крайне важно учитывать действие объективно заложенного в социальном процессе механизма социального сравнения положения разных, особенно “соседних” [7, с. 102] групп, с которыми индивид и группы находятся в постоянном социальном взаимодействии. Именно этот механизм и обеспечивает функционирование межгруппового взаимодействия, формируя широкое конструктивное или деструктивное пространство сближений/отдалений интересов со всеми неоднозначными последствиями этого процесса.

Литература

1. Круглый стол “Социальные интересы в дискурсе общественных наук” // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 2. — С. 165–195.
2. Тихонович В.О. Мотиви трудової активності особи. — К., 1972.
3. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. — М., 1986.
4. Социальная сфера: совершенствование социальных отношений. — М., 1987.
5. Изард К. Интерес — возбуждение как фундаментальная мотивация // Изард К. Эмоции человека. — М., 1980.
6. Ханитов А.Т. Интересы как форма общественных отношений. — М., 1987.
7. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения // Наумова Н.Ф. Философия и социология личности. — М., 2006.